

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 801.161.1

О. Н. Гринбаум

**ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ В ГАРМОНИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ:
ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА**

В статье рассматриваются некоторые вопросы ритмико-смыслового анализа текста письма Татьяны Лариной из третьей главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (далее — *ЕО*). Наша предыдущая работа [1] была посвящена изучению структурно-композиционных особенностей текста, а также ритмико-экспрессивных аспектов читательского восприятия письма Татьяны (далее — *Письмо*). Настоящее исследование продолжает выбранную линию анализа текста в той его части, которая связана с особым характером Письма: рассматриваемый фрагмент романа является так называемым «вставным»¹ текстом и по этой причине может и должен быть прочитан отдельно («сепаратно») от общего хода поэтического повествования. Такой подход позволяет изучать процесс восприятия Письма его адресантом Онегиным и одновременно дает возможность уточнить причины, по которым А. С. Пушкин долгое время не предъявлял Письмо читателю своего романа, словно бы подыскивая для Письма и лучший момент, и лучшее место.

Некоторые аспекты анализа стиха А. С. Пушкина

Первый вопрос, на который следует обратить внимание, связан с самим процессом восприятия романа «Евгений Онегин»: читая роман, мы следуем за волей автора, рассказывающего читателю историю любви двух своих главных героев. И о том, как сами герои, пусть и виртуальные, реагируют на происходящие события, читателю дано знать лишь со слов поэта. Но в третьей главе появляется первая возможность взглянуть на романтическую историю глазами самих главных героев романа (включая автора как одного из героев *ЕО*): Татьяна пишет письмо Онегину, Онегин его читает, а автор не только «переводит» Письмо с французского на русский, не только комментирует его, но и предлагает читателю свои оценки произошедшего.

Гринбаум Олег Натанович — д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: oleg3580@gmail.com

¹ К «вставным» текстам *ЕО* относятся письма Татьяны Лариной (глава 3) и Онегина (глава 8), песня Девушек (глава 3) и Элегия Ленского (глава 6). Тексты стихов Пушкина приводятся по изданию [2].
© О. Н. Гринбаум, 2013

Конечно, анализ истории с «переводом» письма Татьяны Лариной весьма обстоятельно представлен в мировой пушкинистике, так что нам нет необходимости в деталях повторять его основные выводы. Поэт был вынужден прибегнуть к своеобразной мистификации уже хотя бы потому, что Татьяна «по-русски плохо знала»². Используемый прием позволил А. С. Пушкину не только тонко и деликатно обозначить свое отношение к Письму, написанному в духе любовных романов начала XIX века, но и передать читателю собственное восхищение смелостью и искренностью Татьяны. Достаточно сослаться здесь на мнение В. Г. Белинского, который констатировал, что «письмо Татьяны свело с ума всех русских читателей, когда появилась третья глава „Онегина“». Мы вместе со всеми думали в нем видеть высочайший образец откровения женского сердца» [7, с. 147]. Выше оценки этого текста неоспоримы, хотя и язык, и романтический стиль Письма — с его галлицизмами («Обман неопытной души!»), сентиментальными откровениями («Когда я бедным помогала...») и хорошо известными в европейских любовных стихах риторическими переходами («Другой!..») — вовсе не могли способствовать росту читательского восхищения авторским слогом романа.

Аналитическая работа над текстом Письма сталкивается, таким образом, с необходимостью дать ответ на вопрос о том, одни ли только сюжетно-стилистические факторы сыграли свою решающую роль в том, что сами стихи Письма «жгут страницы» романа (о чем уже в 1827 г. писал журнал «Северные цветы» [3, с. 72]), или время и место появления Письма в третьей главе *ЕО* оказывают не меньшее воздействие на читателей пушкинского таланта. Для большей наглядности приведем еще два высказывания: «чудные стихи» — так о письме Татьяны Лариной отозвался П. Анненков (цит. по: [4, с. 332]), а, скажем, С. Г. Бочаров характеризовал их как «гениальные русские стихи» [3, с. 75].

Итак, «вставной» характер Письма позволяет читателю (исследователю) вообразить себя и на месте его «автора» (Татьяны), и на месте читающего Письмо Онегина, и, наконец, на месте поэта, взвалившего на свои плечи очень трудную задачу — не только написать письмо от имени влюбленной барышни, но и написать о чувствах своей главной героини так, чтобы читатель им безоговорочно поверил. В варианте «сепаратного» прочтения Письма читатель оказывается как бы вне общего контекста повествования, вне тех эмоционально-содержательных ощущений и знаний, которые сформировались у него на основании прочитанной уже части романа. При рецептивном ритмико-смысловом анализе текста создается, таким образом, принципиально иная ситуация, которая во многом отличается от восприятия того же фрагмента повествования в случае обычного (глава за главой) чтения романа: такая ситуация максимально приближена к жизненным реалиям человеческих взаимоотношений.

Именно в рамках «сепаратного» изучения фрагмента пушкинского романа мы попробуем напрямую оценить темпоральные эмоционально-смысловые особенности восприятия письма Татьяны, а также прокомментировать явление здесь композиционно-гармонического гения поэта, который поместил текст Письма в наилучшую позицию относительно всего повествования третьей главы *ЕО*.

² В задачи настоящей работы не входит детальный анализ причин «игры и мистификации» [3, с. 72], затеянной Пушкиным с французским оригиналом письма Татьяны, так же как и решение вопроса, связанного с поиском историко-литературных источников этого текста. Подробнее см., напр.: [4, с. 326–333; 5, с. 129–135; 6, с. 103–105].

Подчеркнем еще раз, что ни в рамках современного структурного стиховедения, ни в рамках традиционного стиховедения, ни даже в рамках классического литературоведения решение задач подобного рода попросту невозможно, поскольку эти научные направления не располагают необходимыми для наших целей исследовательскими методами и приемами. В противовес этому метод ритмико-гармонического анализа поэтического текста³ с формальной стороны требует минимальных усилий: нужно лишь обнулить все данные, предшествующие «вставному тексту» (письму Татьяны), — и все. Прочтение самого Письма (текст и расстановка в нем ударений) сохраняется в неизменном виде, но результаты вычислений и графики гармонии и экспрессии меняются (см. рис. 1), потому что данная процедура моделирует процесс восприятия фрагмента общего повествования так, будто бы он звучит вне этого повествования, т. е. отдельно от всего предшествующего текста третьей главы *ЕО*. Собственно говоря, мы тем самым математически воспроизводим оценку ситуации непосредственного восприятия Онегиным обращенной к нему речи Татьяны.

Скажем сразу, что «сепаратный» вариант прочтения Письма Татьяны, позволяющий моделировать процесс восприятия Письма его получателем (Онегиным), оказывается менее гармоничным и менее экспрессивно уравновешенным в сравнении с вариантом «общего» прочтения того же текста. Вспомним, как долго поэт в третьей главе оттягивал момент предъявления читателю Письма. В итоге этот текст, помещенный в структурно-гармонический центр главы, заиграл (в эмоциональном отношении) новыми красками [9, с. 174–178]. Индекс ритмико-чувственной активности IND увеличился от значения $IND = 20,8$ для «сепаратного» варианта до $IND = 25,2$ для «общего» варианта прочтения Письма; средняя величина РГТ выросла с 1,6 до 4,4, а показатель эмоционально-экспрессивной уравновешенности речи (параметр нестабильности ритмоощущений NS) снизился с 12,5 до 9,9.

Теперь обратимся к нашим графикам на рисунке 1, где текстовыми вставками отмечены особо важные для наших изысканий позиции письма Татьяны Лариной.

В первой части Письма (строки 1–21) параметры гармонии РГТ и экспрессии $K_{\text{Э}}$ для двух вариантов прочтения оказываются в противофазе: если значения РГТ (и $K_{\text{Э}}$) для общего варианта уменьшаются, то для «сепаратного» — увеличиваются. Например, на протяжении первых десяти строк значения РГТ («общий» вариант) только уменьшаются и к моменту, когда Татьяна Ларина пишет: «Поверьте: моего стыда / Вы не узнали б никогда...», снижаются от величины РГТ = 5,0 до локального минимума РГТ = 3,8. Для «сепаратного» варианта картина здесь обратная (РГТ возрастает), что с эмоционально-психологической точки зрения вряд ли возможно. Та же ситуация прослеживается и в поведении параметра экспрессии $K_{\text{Э}}$.

Нам уже не единожды доводилось отмечать, что одновременный рост величин РГТ и $K_{\text{Э}}$ в целом соотносится с чувством «воодушевления», а одновременное снижение значений этих параметров — с чувством «разочарования». Сожаления Татьяны, вызванные крайне редкими поездками Онегина в поместье Лариных, не могут вызывать у читателя положительных эмоций и, следовательно, поведение кривых параметров гармонии РГТ и экспрессии $K_{\text{Э}}$ в первых строчках Письма значительно более правдоподобно именно для «общего» варианта прочтения этого текста.

³ Подробнее метод и его параметры изложены в другой нашей работе [8].

Рис. 1. Гармония и экспрессия ритма в сепаратном (тонкая кривая) и обычном вариантах прочтения письма Татьяны Лариной (по горизонтальной оси — номера строк Письма)

Далее. В случае «общего» варианта прочтения максимум значений РГТ в первой части Письма приходится на те строки, где героиня романа признается в своих думах об Онегине (строки 16–17): «Все думать, думать об одном / И день и ночь до новой встречи». Но при «сепаратном» прочтении в этом месте находится локальный мини-

мум и гармонии, и экспрессии. Решая, приятны ли эти мечтания Татьяне или, наоборот, огорчительны, мы отдаем предпочтение первому варианту, надеясь, что вдумчивому читателю наши возможные пояснения такой позиции ни к чему. Хотя, конечно же, мечтания пушкинской героини без сожалений и без грусти не обходятся.

В сравнительном отношении еще более показательна вторая часть Письма (строки 22–30). Для большей убедительности приведем текст второй части полностью:

22 Зачем вы посетили нас?
23 В глуши забытого селенья
24 Я никогда не знала б вас,
25 Не знала б горького мученья.
26 Души неопытной волненья
27 Смирив со временем (как знать?),
28 По сердцу я нашла бы друга,
29 Была бы верная супруга
30 И добродетельная мать.

При «общем» прочтении очередной спад величин РГТ и K_{Σ} (рис. 1) начинается со слов «Но говорят, вы нелюдим...» (строка 18) и длится до конца второй части Письма (строка 30). В числах это уменьшение величин РГТ фиксируется от значения 5,91 до 3,37; экспрессия снижается здесь от 11,88 до 2,84. Для «сепаратного» варианта ситуация иная (рис. 1): величины РГТ и K_{Σ} растут от 18-й строки вплоть до строки 28-й («По сердцу я нашла бы друга») и тут же, на двух следующих строчках «Была бы верная супруга / И добродетельная мать», падают (РГТ от 2,57 до 1,82 и K_{Σ} от 10,31 до 4,39).

«Быть верной и добродетельной, — комментировал эти строки Г.П. Макагоненко, — это была действительная потребность души Татьяны. Верилось только, что друг будет избран по сердцу. Но и это не сбылось» [10, с. 130]. Читая эти строки (и не зная еще всего сюжета), не хочется верить в возможность для Татьяны выйти замуж не по любви... А вот как распорядится судьба, и Онегину, и читателю доведется узнать еще не скоро.

И вот что интересно: при «общем» прочтении Письма нисходящая траектория значений двух ритмико-экспрессивных параметров (РГТ и K_{Σ}) как индикативных коррелятов психофизиологического процесса восприятия стиха — это своеобразное предсказание, скрытно упреждающее будущее романских событий, первый полунамек на то, что для «милрой» сердцу поэта Татьяны не исключен столь печальный вариант ее женской доли. А для Онегина («сепаратный» вариант прочтения) та же возможность звучит более отчетливо — и не только по той причине, что герой ЕО не знал (и не мог знать) всего того, что поэт уже успел рассказать читателю о Татьяне Лариной, но и потому, что само по себе чтение этих строчек Письма (вне романа) порождало душевный перелом — от «воодушевления» к «разочарованию».

Картина третьей части Письма (строки 31–75) вновь демонстрирует резкие расхождения в поведении параметров гармонии и экспрессии. При «общем» прочтении начало этой части приводит к трем последовательным всплескам значений РГТ и K_{Σ} , последний из которых (строка 46, «И в мыслях молвила: вот он!») характеризуется максимальными для всей третьей главы значениями РГТ = 7,88 и K_{Σ} = 38,12.

В случае же «сепаратного» прочтения поведение параметров РГТ и K_{Σ} (рис. 1) в целом много более спокойное: в начале третьей части Письма спад величин РГТ продолжается еще 12 строк, а рост значений РГТ начинается только со строк «...нет, это был

не сон! / Ты чуть вошел, я вмиг узнала...» (строки 43–44). Максимум величины РГТ = 3,87 приходится на строки 56–57 «Не ты ль, с отрадой и любовью, / Слова надежды мне шепнул?»).

Заключительный фрагмент третьей части Письма (строки 58–75) при «общем» прочтении характеризуется медленным снижением величин РГТ: последнее и совсем небольшое усиление гармонии приходится на 67 строчку (для которой РГТ = 3,64 и $K_{\Theta} = 2,38$),

66 Перед тобою слезы лью,
67 Твоей защиты умоляю...

Для предыдущих строк:

61 Быть может, это все пустое,
62 Обман неопытной души!
63 И суждено совсем иное...

значения РГТ и K_{Θ} отражают не только пессимизм, но и, скорее всего, полный упадок душевных сил героини: РГТ не меняется, а K_{Θ} уменьшается до нуля (РГТ = 3,32 и $K_{\Theta} = 0,00$). Вариант «сепаратного» прочтения строк 58–75 Письма практически повторяет картину общего прочтения, заключительное четверостишие Письма также ничего нового в наш сопоставительный анализ не привносит.

Таким образом, центральный момент в наших рассуждениях связан с тем особым обстоятельством, на которое с отчетливостью указывает поведение параметра экспрессии в третьей части Письма: при «общем» прочтении (и при более чем двукратном преобладании средней величины гармонии) три всплеска величин экспрессии K_{Θ} :

33 То в вышнем суждено совете...
41 Твой чудный взгляд меня томил...
46 И в мыслях молвила: вот он!

противостоят одному максимуму величины K_{Θ} в случае «сепаратного» варианта (строка 57: «Слова надежды мне шепнул?»). Исследовательская интрига состоит в том, можно ли в самом тексте романа найти подтверждение и объяснение этому необычному факту или нет.

Наши размышления основаны на двух историко-литературных фактах, а опорой им служит поэтическое кредо А. С. Пушкина: «Истина страстей, *правдоподобие* чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует сердце наше» [11, с. 421]. Но прежде чем представить читателю собственное видение проблемы, еще раз вспомним поэтическую прелюдию (лирическое отступление) А. С. Пушкина к тексту Письма (строфы XXII–XXXI): и сами слова поэта, непосредственно указывающие на его отношение к героине романа и к ее поступку (Письму), и, что крайне интересно, длительность этого рассказа о письме Татьяны Лариной. Между двумя романскими событиями (известием о том, что Татьяна написала Письмо, и текстом самого Письма) — дистанция огромного размера: десять Онегинских строф, или 140 строк, или самое длинное в романе отступление.

Итак, факт первый: согласно исследованиям пушкинистов, поэт после написания строфы V третьей главы примерно месяц обдумывал возможные сценарии развития своего романа, итогом чего стала «не-встреча» сердец его главных героев (временная разделенность чувств). Более того, «письмо Татьяны было написано Пушкиным тогда, когда третья глава была едва-едва начата», и поэтому «вполне естественным было же-

ление Пушкина задним числом дописать предшествующие письму строфы» [12, с. 36, 38]. К тому же ряду относится и история со знаменитой строфой «Я помню море пред грозою...», восемь строк которой в черновике были записаны среди строф третьей главы, но в окончательном виде перенесены Пушкиным в первую главу и напечатаны в ней под номером XXXIII. Все эти обстоятельства (вместе с особой длиной поэтической прелюдии к Письму) говорят о том, что поэт не только считал важным донести до читателя свои чувства и свое отношение к поступку Татьяны Лариной (настроить читателя на свой гармонический лад), но и стремился найти такой момент в повествовании, когда «истина <Татьяниных> страстей» окажется для читателя максимально правдоподобной.

Факт второй. Обратим внимание на строки из XXXI строфы (строки 10–14):

... Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц...

В двух заключительных строчках XXXI строфы видны отзвуки личных переживаний поэта, связанных с именами двух российских красавиц. Этот дистих, на наш взгляд, несколько затеняет эмоциональную сторону двух предшествующих строк. Читатель, даже хорошо знакомый с романтической оперой Карла М. фон Вебера «Фрейшиц» (которая была чрезвычайно популярна в России в начале 20-х годов XIX века), не может не проявить особого интереса к обстоятельствам, способствующим появлению в романе столь интригующей реминисценции, и комментаторы *ЕО* в своих работах удовлетворяют этот читательский интерес⁴. При всем этом предшествующие строчки («Неполный, слабый перевод...») теряют для читателя особую эмоциональную выразительность, поскольку оставляют за собой лишь тень от общей картины, тень, отражающую только один аспект всей проблемы, а именно тот, что «перевод» Письма — это вовсе не перевод с французского языка, а «перевод» с языка девичей любви. Безусловно, данную сторону пушкинской загадки обсуждают и о ней спорят многие поколения пушкинистов⁵, но, на наш взгляд, слово «слабый» несет в себе еще один весьма потаенный смысл.

Нам представляется (с учетом всего сказанного и наших аналитических выкладок относительно «общего» и «сепаратного» вариантов прочтения Письма), что Пушкин не был до конца удовлетворен «правдоподобием чувствований», исходящим от «сепаратного» письма Татьяны. По этой причине поэт и искал для Письма нужное в романе время и место, отчасти поэтому он затеял мистификацию с «французским оригиналом». В процессе создания третьей главы *ЕО*, еще не особо доверяя своему гению, еще не имея перед собой полного текста третьей главы, поэт и написал слова о «слабом» переводе. Стоящие в том же ряду эпитеты «неполный» и «бледный» вполне объяснимы и не могли удивить тех, кто понимал, какую сверхзадачу решал автор, взявшись писать

⁴ Предоставим слово В. В. Набокову: «Биограф, безразличный к истории амурных увлечений, легко вообразит княгиню Вяземскую и графиню Воронцову этак числа 10 июня 1824 г. в Одессе, разучивающими эту увертюру <из оперы фон Вебера> в присутствии Пушкина, который питал дружбу-любовь к первой и был страстно влюблен во вторую. В это же время все трое бросали вызов волнующему прибою на морском берегу в Одессе...» [4, с. 326].

⁵ В этом отношении весьма важна работа Д. Куюнжича [5].

девичье письмо первой любви. Эпитет же «слабый» соотносится не только с очевидным смыслом, но и с особым стремлением поэта к «истине страстей», которая в итоге оказалась блистательно реализованной в тексте Письма — но не в качестве отдельного фрагмента романа, а как части целого третьей главы *ЕО*.

В заключение данного исследования, приведем слова П. А. Вяземского, сказанные им в адрес двух фрагментов третьей главы *ЕО*: письмо Татьяны и ночной разговор с няней — это «две прелести и две блистательные победы, одержанные всемогуществом дарования над неподатливым и неповоротливым языком нашим» [13, с. 315].

Источники и литература

1. Гринбаум О. Н. Письмо Татьяны Лариной в гармоническом освещении // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 9. 2010. Вып. 1. С. 25–34.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. Евгений Онегин. Роман в стихах. 691 с.
3. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 207 с.
4. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб: Набоковский фонд, 1998. 926 с.
5. Куюнжич Д. Похищенное письмо Татьяны // Проблемы современного пушкиноведения: сб. ст. [По материалам Первой междунар. конф. пушкинистов, 27–30 мая 1991 г. (Пушк. Горы)]. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 1994. С. 128–140.
6. Кошелев В. А. «„Онегина“ воздушная громада...». СПб.: Акад. проект, 1999. 287 с.
7. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1948. Т. 3. 928 с.
8. Гринбаум О. Н. Гармония стиха Пушкина. СПб.: СПбГУ, 2008. 116 с.
9. Гринбаум О. Н. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2010. 228 с.
10. Макогоненко Г. П. Роман Пушкина «Евгений Онегин». М.: Гослитиздат, 1963. 146 с.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 9. 487 с.
12. Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина, ПД № 835 (из текстологических наблюдений) // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1983. Т. XI. С. 27–65.
13. Вяземский П. А. Об альманахах 1827 года // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб.: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. С. 315–316.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2012 г.